

Gretchen McNeil

FOUR
LETTER
WORD

Гретхен Макнил

СЛОВО
ИЗ ШЕСТИ
БУКВ

*Посвящаю сэру Альфреду Джозефу Хичкоку
и благодарю за вдохновение*

Это судьба. Но если вам нравится,
вы можете называть это Италией, викарий.

Джордж Эмерсон, «Комната с видом»

Глава 1

Внимательно слушая голос в наушниках, Иззи положила ноутбук на скрещенные ноги.

«*Il libro di italiano è sul tavolo*»*.

Вероятно, в предложении речь шла про книгу и стол.

«Давай, ты сможешь», — подбодрила сама себя девушка.

— Иль ли-и-бро д-и-таль-я-но э сул таволо, — повторила Иззи вслух, сморщившись, ведь ее произношение было просто ужасным, не то что у девушки, чей голос звучал в приложении. — На столе лежит книга на итальянском языке.

«На столе лежит книга на итальянском языке», — озвучила учительница.

Иззи выдохнула с облегчением: ответ оказался правильным. Один есть, осталось еще девяносто девять.

«*Mi presti la penna per favore*»**.

— М-ми прести ла пенна пер фаворэ. — Она узнала слово «спасибо», а *penna* — это, наверное, ручка? Или карандаш? Или вообще что-то другое?

* На столе лежит книга на итальянском (итал.). — Здесь и далее примечания переводчика.

** Пожалуйста, одолжите мне ручку (итал.).

Страх ошибиться напрочь лишил ее способности здраво мыслить, а урок итальянского тем временем продолжался.

«Пожалуйста, одолжите мне ручку. — Преподавательница замолчала, будто осуждая ее, а затем продолжила: — *È una bella giornata per una passeggiata sulla spiaggia*»*.

Иzzi совсем сникла. На этот раз она даже попросить не рискнет. Все гласные и согласные казались одним звуком, из-за этого было сложно понять, где заканчивается одно слово и начинается другое. Как бы сильно девушка ни старалась, у нее никак не получалось произнести предложение складно на итальянском языке и разобрать, о чем идет речь. Она не могла понять элементарную фразу.

Палец невольно застыл над иконкой приложения с подкастами. Сегодня утром вышел новый эпизод «Говорящего убийства», ее любимой криминальной документалки, и ей не терпелось узнать новости о Казанове, новоиспеченном и жутком серийном убийце из Калифорнии. Пожалуй, итальянский подождет...

Словно почувствовав, что Izzi отвлеклась, преподавательница продолжила говорить.

«Сегодня прекрасный день для прогулки по пляжу, — слышался перевод предыдущей фразы, и сразу же прозвучало следующее предложение на итальянском: — *Il treno per Milano parte alle sette e mezzo*»**.

Не успела Izzi закрыть злосчастное приложение, как тишину в ее комнате на чердаке нарушил гнусавый голос:

* Сегодня прекрасный день для прогулки по пляжу (итал.).

** Поезд в Милан отправляется в половине седьмого (итал.).

— *Mangia, mangia!**

Первое, что успела заметить Иззи, — это идеально уложенные волосы кофейного оттенка, волосы ее брата Райли. И лишь потом она увидела лицо.

— *Pappardelle in la luna. Mamma mia, ciao!***

Девушка свернула приложение, как только парень поднялся достаточно высоко, чтобы опереться локтями в арке прохода на чердак. Его лучезарная улыбка и узкие, янтарного цвета глаза придавали красивому бледному лицу некоторую таинственность. А его издевки раздражали чуть больше обычного, потому что, хоть Райли и произнес случайный набор слов, с акцентом у него все обстояло куда лучше, чем у Иззи.

— Твои приколы были актуальны в тридцать третьем году, — сказала Иззи с натянутой улыбкой.

Райли проигнорировал ее замечание.

— Будешь болтать с этим парнем из программы по обмену на его родном языке?

— Еще как! — соврала она.

— Сможете обсуждать всякие непристойности прямо за обедом, — ответил парень, поигрывая бровями. — Мама с папой даже не догадаются.

— Во-первых, фу.

Райли было девятнадцать, и все его мысли занимал только секс. Вообще-то девушка смутно помнила, что остальные братья в его возрасте вели себя точно так же, но этот парень — особо запущенный случай. Он экстраверт и озвучивал абсолютно каждую развратную мысль, пришедшую на ум.

* Еда, еда! (итал.)

** Папарделле на тарелке. Мама, привет! (итал.)

— Во-вторых, мама говорит по-итальянски, придурочный.

«И намного лучше меня», — закончила она уже про себя.

— Мне было бы пофиг.

— Для тупых повторю: какая мерзость!

Брат склонил голову набок и задумчиво уставился в потолок:

— Не могу поверить, что мама пустит в дом, где живет ее драгоценная дочурка, горячего итальянца. А еще она с ума сходит из-за того, что я снова встречаюсь с Кайли.

— Он сюда приезжает всего на семестр, чтобы учить английский, а не мутить со старшеклассницей.

— Ага, как же. — Райли усмехнулся. — Только не ври, что ни разу не представляла, как какой-нибудь горячий итальяшка сбивает тебя с ног. Как в том скучном фильме, который любит мама.

Иzzi выпятила подбородок, чувствуя странную, но очень острую потребность защитить мамины интересы.

— «Комната с видом» не скучная.

— Ага, да.

— И вообще, это же всего лишь фильм, поэтому нет, я не жду, что Юрика с появлением Альберто заиграет новыми красками и перестанет быть отстоем.

— Альберто? Его зовут Альберто? — Райли надрывно, с визгом захохотал. Прямо как морской котик, который просит рыбу. — Ах, Альберто, ты такой классный! — писклявым голосом спародировал сестру парень.

Иzzi ненавидела его самодовольную улыбку. В основном потому, что он был прав. Как только выяснилось, что Альберто Бьянки поселится в доме семейства Белл

на весь первый семестр колледжа, девушка сразу навела о нем справки. Не то чтобы он активно пользовался социальными сетями, поэтому фотографий было не особо много. Там висели снимки, сделанные еще до окончания средней школы, но и на них он был симпатичным. К тому же из-за длинных светлых волос, торчащих в разные стороны на макушке, Альберто напоминал Иззи Джулиана Сэндса из «Комнаты с видом». И это было так круто!

«Комната с видом» была своеобразной зоной комфорта для ее мамы. Иззи включала этот фильм каждый раз, как только замечала, что у мамы начинается депрессивный эпизод, или «приступы хандры», как она это называла. Иззи уже множество раз видела «Комнату с видом» и наизусть знала каждую реплику, потому что постоянно проводила время с матерью, пока братья находились в колледже, а отец допоздна пропадал на работе. Поначалу она даже делала вид, что следит за сюжетом, так как это очень радовало маму, но со временем история любви Джорджа и Люси буквально впиталась в нее. Их встреча была предрешена судьбой, а любовь была вечной.

В жизни же Иззи не было ничего, кроме семьи и лучшей подруги Пейтон, поэтому да, конечно, она представляла, как Альберто идет к ней сквозь золотистую дымку солнечных лучей по полю Тосканы и заключает ее в свои объятия, а фоном звучит «*Chi il bel sogno di Doretta*»*. А как вообще можно не представлять подобное? Но она никому об этом не расскажет. Особенно Райли.

— Чего тебе надо? — спросила она с явным раздражением в голосе.

* «Прекрасная мечта Доретты».

— Мама говорит, что сегодня машина в твоём распоряжении.

— И?

— Мне тоже она нужна.

— Зачем?

Райли аккуратно провел рукой по волосам:

— Особое свидание с Кайли.

— Во вторник днем?

— До отъезда всего пять дней. Так что я должен оседлать эту лошадку, пока есть возможность. — Парень сжал губы. — В прямом и переносном смысле.

Каким таким образом самый младший и придурковатый из трех ее старших братьев стал сердцеедом города Юрики, штат Калифорния, едва поступив на второй курс Университета Сан-Диего, было еще большей загадкой, чем существование снежного человека. А его постоянные расставания и воссоединения с Кайли Фернандес, барменшей, работавшей на пристани, и вовсе являлись тайной за семью печатями.

Кайли была крутой девушкой с кучей татуировок. Она училась в классе Паркера, брата Иззи. Ее уверенности в себе могли бы позавидовать многие, к тому же она буквально плевать хотела на то, что там думают о ней другие люди. Все парни в школе мечтали встречаться с Кайли, а девушки хотели походить на нее. Но каким-то невероятнейшим образом она спуталась с Райли, который был на три года младше Кайли и в три миллиона раз скучнее ее. Уму непостижимо!

— Я думала, вы расстались.

— Так и было. — Брат пожал плечами. — Но потом я увидел, как она читает статью про серийного убийцу в Лос-Анджелесе, который спал с жертвами *после* убий-

ства. Сказал ей, что выбрал темой своей работы «Психологию сексуальных девиаций», и, о чудо, мы снова вместе.

Райли узнал об этом киллере, прозванном Казановой, благодаря Иззи. Поэтому одна только мысль о том, что он использовал ее помешательство на подкастах о криминале, чтобы обманным путем склонить девушку к сексу, была такой же возмутительной, как и факт существования этого самого киллера.

— Разве диссертацию пишут не для получения ученой степени?

Райли отмахнулся:

— Она все равно этого не знает.

— Ты подлец.

— Так сколько ты хочешь за машину?

Смиренно вздохнув, Иззи достала телефон и написала Пейтон сообщение:

«Райли нужна машина. Заедешь за мной?»

Тишина, воцарившаяся в ожидании ответа, казалась удушающей. Райли стучал пальцами по паркету, разминая каждый сустав, и нервно поигрывал бровями, наблюдая, как двигается секундная стрелка в старинных напольных часах, стоящих рядом с лестницей. Иззи следовало бы просто послать его к черту, но она не стала. Она никогда не посылала Райли. И возможно, никогда не сможет.

Тревожность напрочь отрезала желание говорить. Не то чтобы кто-то замечал нежелание Иззи разговаривать в принципе. Как младший ребенок и единственная девочка в семье, она всю жизнь провела в тени Беллбойз — так все называли ее братьев. Тейлор, бывшая звезда волейбольной команды старшей школы, сейчас

работает в отряде поисково-спасательной службы залива Гумбольдта. Паркер, лучший выпускник Калифорнийского технологического института, намеревался вернуться в Пасадену, чтобы получить ученую степень по аэронавтике. Райли, начинающий политик, очаровывал всех и вся на своем пути. Иззи была почти уверена в том, что большинство горожан даже понятия не имели, что у Гарри и Элизабет Белл *есть* дочь.

Телефон в ее руках завибрировал, и на экране появился ответ Пейтон, написанный капслоком. Она всегда так писала, когда была взбудоражена чем-либо.

«СКОРО БУДУ, НО ПЕРЕДАЙ РАЮ, ЧТО ОН ОТВРАТИТЕЛЕН».

— Двадцать баксов, — сказала Иззи, бросая мобильник на покрывало.

— Договорились. — Он вытащил из кошелька новенькую хрустящую купюру и сунул между половицами. — Я бы на твоём месте смело просил шестьдесят баксов. Не бойся повышать ставки, сестричка.

Страх. Ее слабое место. Самодовольно усмехнувшись, Райли развернулся и спустился по лестнице. Дверь внизу захлопнулась, снизу подул прохладный ветер. Двадцатидолларовая купюра согнулась, будто пальма во время урагана, вылетела из щели и, пролетев через комнату, приземлилась прямо в мусорную корзину.

— Иначе и быть не могло.

Иззи подумала было вернуться к итальянскому, но вот чего-чего, а склонности к садомазохизму у нее не наблюдалось. Она слезла с кровати и пошла в другой конец комнаты, чтобы достать двадцать баксов из мусорки. Старые половицы звучно поскрипывали при каждом ее шаге, и девушка с ужасом осознала:

комната Райли, в которой на ближайшие три месяца обоснуется Альберто, находится прямо под ней. Если он услышит ее шаги посреди ночи, то наверняка подумает, что она пошла в туалет. Или решит, что у нее бессонница. Или еще хуже — что она, как какая-то старая кошатница, запертая на чердаке, бесцельно бродит туда-сюда целыми днями, потому что никак не может успокоиться. Это, конечно, бред, но со временем он вполне может стать правдой, если Иззи не уберется из Юрики подальше.

Девушка сунула купюру в небольшую сумочку и застыла перед тремя узкими окошками, которые находились позади кровати и выходили на причал. Небо было серым, хотя на дворе стоял август, считавшийся наиболее теплым месяцем в самой северной части Калифорнии. Теплом на побережье считалась двадцатиградусная температура. Если солнечные лучи были достаточно горячими, то они пробирались сквозь вездесущий туман и влажность, которые каждодневно окутывали их город по утрам. К счастью, сейчас туман снова расползся за островом Вудли, но, несмотря на это, погода была очень далека от хорошей. Из-за прилива солнце будто тонуло в море, окрашивая все вокруг в пурпурно-серые тона, приглушая яркие краски лета и намекая, что, когда Иззи поедет в аэропорт за Альберто, стоит надеть куртку. Она знала, что во Флоренции намного больше света и жарче, чем в Юрике. И надеялась, что относительно недолгое лето не станет причиной скорого отъезда Альберто на родину.

«Что за глупости в твоей голове, Изз?» — подумала девушка. Вообще неважно, останется он на весь семестр или нет. Этот парень не являлся главным героем ромкома

под названием «Жизнь Иззи». Он всего лишь незнакомец, основная цель которого — помочь ей с итальянским. Чтобы она в первом же семестре смогла сдать экзамен, который обычно сдают на втором курсе, и незамедлительно подать документы для обучения за границей.

«Ты действительно хочешь именно этого?» — спросил внутренний голос.

Девушка тут же выбросила этот вопрос из головы. Неважно, чего хотела она. План был таков: поступить в колледж Мидлбери, как когда-то сделали ее родители; изучать историю искусств во Флоренции, ведь туда собиралась ехать мама на последнем курсе колледжа; пройти стажировку в Уффици, так как *мама всегда мечтала* именно об этом. А потом, может быть, влюбиться в какого-нибудь классного итальянца, поселиться с ним на загородной вилле и больше никогда не возвращаться домой.

Будущее Иззи больше походило на идеальную картину жизни матери, Элизабет Белл. Будущее, которому не суждено было сбыться из-за беременности Тейлором. И как бы матери Иззи ни хотелось, она так и не посетила Италию. Не изучила историю искусств во Флоренции и не увидела «Медузу» Караваджо своими глазами. И уж точно не пожила на итальянской вилле. Совершенно неважно, что этот план, безумная и до мелочей продуманная стратегия чуть ли не на всю оставшуюся жизнь, на самом деле не был *истинной мечтой Иззи*. Важным являлось лишь то, что, планируя будущее дочери, Элизабет Белл снова чувствовала себя счастливой хоть ненадолго.

Ради маминого счастья Иззи готова пойти на что угодно. Даже на ежедневное прослушивание собст-

венного голоса, которым она то и дело коверкала итальянские слова и фразы. Кроме того, Италия являлась отличным предлогом для побега. Ведь в родном городе ее не держало абсолютно ничего.

Хотя раньше ей казалось: здесь есть что-то... точнее, кто-то. В этом году она совершенно неожиданно встретила человека, благодаря которому жизнь в Юрике перестала видаться такой уж ужасной. Их связь представлялась ей особенной. Дружба, которая могла бы стать чем-то бóльшим. Но несколько недель назад он прекратил общение, и Иззи снова осталась ни с чем.

Она вновь посмотрела в окно и увидела, как к причалу возвращаются рыбацкие лодки. Каждый день, сидя на своем чердаке, она видела одну и ту же картину. Если переезд в Италию сможет решить эту проблему, то она им воспользуется.

Глава 2

— Иззи!

Голос матери разнесся по вентиляционной системе их старого, построенного в 1907 году дома. В детстве ей даже казалось это веселым. Свернувшись на чердаке калачиком, прямо на полу перед железными трубами, которые напоминали радиосистему времен Второй мировой, она открывала заслонку и тихонечко подслушивала разговоры старших братьев и родителей. Слышала, как родители, стоя у кухонного гарнитура, обсуждают, где взять деньги на оплату операции Тейлору. Слышала напряженный голос Паркера, когда он говорил с братьями. Слышала, как мама плакала в своей спальне, когда никого не было дома. В комнату Иззи всегда проникал каждый звук.

Эта особенность обнаружилась в один из дней, когда отец ремонтировал окно на чердаке. С тех пор вся семья пользовалась ей как рацией, чтобы звать Иззи на первый этаж. И с тех же самых пор вентиляция перестала казаться чем-то волшебным.

— Иззи, ты можешь спуститься?

Девушка вздохнула, перекидывая через плечо сумку. Шансы на то, что у нее получится изобразить энтузиазм, когда мама начнет в очередной раз озвучивать ее список дел, были почти нулевые. Как только стало из-